

А.И. Тэвдой-Бурмули

Мультикультурализм: Между панацеей и проклятием

***Аннотация.** Статья посвящена анализу современного состояния мультикультурализма в Европе – как в виде политической практики, так и в качестве идейного дискурса. Автор рассматривает причины кризиса мультикультурной парадигмы в сегодняшней Европе, а также пытается определить возможные варианты эволюции мультикультурализма в европейском социуме на ближайшую перспективу.*

***Abstract.** The focal point of the author's analysis is the current state of the multicultural phenomenon in Europe – both as discourse and political practice. The factors of the nowadays crisis of the multicultural paradigm as well as the eventual options of its evolution in the European context are also in the research focus.*

***Ключевые слова:** мультикультурализм, идентичность, либерализм, иммиграция, адаптация иммигрантов, европейская этнополитика.*

***Keywords:** multiculturalism, identity, liberalism, immigration, adaptation of immigrants, European ethno politics.*

К концу XX в. мультикультурализм из абстрактного концепта и специфической практики превращается в одну из наиболее востребованных моделей организации современного западного общества. В современном политическом дискурсе мало понятий, вызывающих столь бурную реакцию и столь поляризованные оценки, как мультикультурализм. Диапазон суждений о мультикультурализме простирается от

признания его оптимальной формой структурирования мультиэтничного общества до интерпретации мультикультурализма как основной причины нынешнего кризиса европейского социума.

Первое употребление термина «мультикультурализм» в качестве дескриптора инструмента национальной политики датируется, как известно, 1965 г. Именно тогда специальная Королевская канадская комиссия по билингвизму и бикультурности, созданная для изучения проблемы конфликта франко- и англоговорящего населения страны, ввела в оборот это понятие как антитезу практиковавшейся до того политике ассимиляции различных этнолингвистических групп.

Что представляет собой мультикультурная модель в ее идеальном варианте?

Один из творцов мультикультуралистского концепта – канадский ученый, заведующий кафедрой политической философии Кингстонского университета Уилл Кимлика определял мультикультурализм как политику признания гражданских прав и культурной идентичности этнических меньшинств [Kymlicka, 1995]. Предполагалось, что переход к политике мультикультурализма обеспечит более гармоничное сосуществование этнокультурных групп в рамках одной политики.

Такой теоретик мультикультурализма, как профессор Лондонской школы экономики Чандран Кукатас, выделяет два основных варианта мультикультуралистского концепта – «мягкий» и «жесткий» [Кукатас]. Первая модель предполагает готовность социума и его институтов принять возникновение культурного разнообразия как данность. Мультикультурализм в этой версии представляет собой политику, гарантирующую не столько соблюдение групповых прав, сколько отсутствие принудительной ассимиляции иммигрантов принимающей стороной. Иначе говоря, это – политика негативных гарантий, или пассивный мультикультурализм. «Жесткий» мультикультурализм предполагает проведение специальной политики, защищающей группы социокультурных меньшинств от ассимиляции. Принципиально важным представляется, что нежелательной в данном случае является не только принудительная, нарочитая ассимиляция, но и ассимиляция как объектив-

но идущий социальный процесс. Характеризуя позицию «жестких» мультикультуралистов, Ч. Кукатас пишет: «К разнообразию следует не просто относиться толерантно, его нужно укреплять, поощрять и поддерживать, как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав» [Кукатас]. Сам Ч. Кукатас придерживается, скорее, точки зрения мультикультуралистов «мягких». Для аргументации своей позиции он использует дихотомию «старого» и «нового» либерализма: старому, «классическому» либерализму соответствует «мягкий мультикультурализм», «жесткий» же мультикультурализм порожден так называемым «новым» либерализмом, предполагающим активное вмешательство для гарантии групповых прав.

Аналогичную схему увязки мультикультурализма и либеральной парадигмы предлагает и специализирующийся на истории американской культуры профессор Мюнхенского университета Берндт Остендорф, выдвинувший концепцию «двух либерализмов». В соответствии с ней ситуация мультикультурного общества требует перехода от классического индивидуалистического либерализма («либерализма-I») к либерализму мультикультурному (либерализму-II), предполагающему защиту коллективных/групповых прав и этнической лояльности; идея принадлежности сменяет идею индивидуальной независимости [Ostendorf, 2002, p. 122].

На практике политика мультикультурализма представляла собой совокупность институциональных, правовых, идейно-политических инструментов, соотношение и формы функционирования которых варьировались от страны к стране. В целом практика их применения соответствовала скорее «жесткой» мультикультурной модели, т.е. их сутью было предоставление гарантий сохранения социокультурных прав наиболее уязвимым группам, в первую очередь принадлежащим к числу «новых» иммигрантских сообществ.

Зародившись в Канаде, политика мультикультурализма была впоследствии взята на вооружение такими странами, как Австралия, Швеция, США и Великобритания. К началу нынешнего столетия о мультикультурализме стали говорить и в контексте динамики эволюции французской и германской национальных моделей.

Распространение мультикультурных практик постепенно приводит к обесцениванию изначального смысла концепта мульт-

тикультурализма. По сути, под мультикультурным к началу нынешнего столетия стало пониматься любое мультиэтническое общество, не практикующее очевидную ассимиляцию в пользу одной и более доминирующих этнических групп. Так, выступая 11 февраля 2011 г. на совещании в Уфе, президент РФ Д. Медведев говорил о мультикультурализме как о практике, адекватной потребностям, в том числе и современного российского социума [Стенографический отчет, 2011].

Строго говоря, подобный подход укладывается в концепт «мягкого мультикультурализма» Ч. Кукатаса, когда под мультикультурализмом понимается базовая либеральная толерантность. Нельзя не отметить, однако, что это выхолащивает саму суть реально существующей проблемы: ныне звучащая критика мультикультурализма сфокусирована не столько на этой базовой толерантности, сколько на случаях «жесткого мультикультурализма», ассоциируемого с «новым либерализмом» парадигмы Б. Остендорфа. Следовательно, для понимания природы нынешнего идейного кризиса мультикультурализма нужно в первую очередь анализировать именно «жесткую» его версию.

Мультикультурализм: причины востребованности

Вряд ли подобная популярность этой модели случайна. Триумф либеральных ценностей эпохи провозглашенного Ф. Фукуямой «конца истории» перевел в ряд «морально устаревших» все традиционные схемы организации мультиэтничной политики – от национального государства до федерации. Мультикультурализм с его ценностным универсализмом и мозаичным видением политической общности стал адекватным преломлением постмодернистской философии в сфере этнополитического менеджмента.

В торжестве мультикультурализма (как можно предполагать сегодня – временном) можно усмотреть и важную этическую составляющую. Принимая на вооружение этот концепт, общества евроатлантического ареала демонстрировали свою готовность признать ответственность за нелегитимное доминирование над неевропейскими народами в колониальную эпоху.

Можно интерпретировать мультикультурализм и как элемент базового перехода евроатлантических обществ к ценностно-

ориентированной политике (value-based policy). Наиболее явно эта тенденция проявилась в практике Европейского союза – в первую очередь внешнеполитической, однако она, безусловно, выходит за институционально-правовые рамки ЕС и касается изменения природы собственно европейского социума.

Фоном и главным мотивом для распространения мультикультуралистских практик в странах евроатлантического ареала становится иммиграционный бум. Начало ему было положено в первые послевоенные десятилетия: бурный экономический рост послевоенной Европы в значительной степени был обеспечен трудом иммигрантов из бывших колоний.

К началу 1990-х годов общая численность иммигрантов в ЕС, только по официальным данным, приблизилась к 20 млн. человек – считая как легальных, так и нелегальных резидентов [Baldwin-Edwards, 1994, p. 5]. В это число, естественно, не вошли те иммигранты, которые уже получили к этому времени гражданство страны пребывания. За последующее десятилетие (1991–2000) ежегодный нетто-приток иммигрантов в ЕС составил примерно 1,2 млн. человек, из которых 500 тыс. проникли в ЕС нелегально [Хижный, 2005, с. 76]. В 2002 г. в ЕС проживали 18 млн. легальных иммигрантов (из них 12 млн. – не из зоны ЕС) и около 5 млн. нелегальных иммигрантов [Хижный, 2005, с. 76]. Кажущееся несоответствие темпов прироста и итоговой цифры объясняется тем, что за 1990-е годы значительное число ранее прибывших иммигрантов – около 6 млн. – уже успели натурализоваться. К началу 2008 г., согласно данным Евростата, в ЕС проживало уже около 30,8 млн. мигрантов, опять-таки без учета натурализовавшихся [Vasileva, 2009, p. 1]. За период с 1998 по 2008 г. гражданство ЕС получили 7,109 млн. иммигрантов; средний прирост численности натурализовавшихся иммигрантов составил 646,3 тыс. человек в год [Acquisition of citizenship].

Таким образом, к началу второго десятилетия XXI в. численность легальных и уже натурализовавшихся иммигрантов в ЕС явно превышала 45 млн. и, вполне возможно, приближалась к 50 млн. человек. С учетом же нелегальных иммигрантов число «новых» обитателей Старого Света можно приблизительно оценить в 60 млн. человек, и эти оценки будут, очевидно, заниженными.

Не все эти люди – уроженцы стран Третьего мира, наиболее проблематичные с точки зрения динамики социокультурной интеграции в европейский социум. Следует, впрочем, заметить, что проблемы интеграции все чаще возникают и применительно к иммигрантам из других регионов – в том числе и из стран ЕС. Так, в 2008 г. наибольший вклад во внутрирегиональную иммиграцию в ЕС внесла Румыния (384 тыс. человек) [Oblak Flander, 2011, p. 4], значительную долю переселенцев из которой традиционно составляют цыгане (за период с 2005 г. на запад Европы иммигрировало около 1 млн. румынских цыган) [Лукиянов, 2010]. В социокультурном плане эти иммигранты воспринимаются жителями Старого Света так же, как и иммигранты из развивающихся стран.

Сомнения относительно возможности осуществления мультикультурного проекта в его оптимальном варианте стали звучать в экспертном сообществе задолго до нынешнего кризиса [см., напр.: Alibhai-Brown, 2004; Goodhart, 2004].

С. Хантингтон отмечал, что мультикультурализм не способствует интеграции меньшинств, поскольку легитимизирует возможность сохранения ими собственной социокультурной идентичности [Хантингтон, 2004, с. 226]. Аналогичные опасения высказывал и Б. Остендорф: «Как предотвратить превращение культурной лояльности «либерализма-II» в «нормативную» и «сущностную» и не допустить, чтобы границы, призванные защищать меньшинство, стали непроницаемы для других меньшинств?» [Ostendorf, 2002, p. 123]. В поисках ответа автор анализирует два случая либерализма: американский и европейский (немецкий). Если в случае с Германией «либерализм-I» был единственно приемлемым после эксцессов «политики различия», осуществлявшейся в Третьем рейхе, то в США развитие либерализма пошло по иному пути. Уже после торжества классического «либерализма-I» и отмены политической дискриминации сохранялась дискриминация социально-экономическая, и «жертвы такой дискриминации нуждались в помощи не как отдельные граждане США, но как члены дискриминируемых групп» [Ostendorf, 2002, p. 125]. Таким образом, общество нуждалось в известной этнизации и коммунитаризации. В этих условиях недопущение политизации общинных границ становилось вопросом первостепенной важности. Инструментом решения этого вопроса стал принцип добровольного определения

собственной этничности, характерный, по мнению Б. Остендорфа, для США. Там, однако, это упрощалось иммигрантской природой всего американского социума. Насколько данный рецепт подходит для абсолютно другой с точки зрения определения идентичности конфигурации современного европейского социума – вопрос, остающийся пока открытым.

Сами адепты мультикультурализма склонны признавать ныне, что лозунги мультикультурализма подчас используются элитами не для гарантий прав, а для консервации расового и гендерного неравенства, а также несправедливых культурных практик и традиций [Kymlicka, 1995; Kundnani, 2002; Phillips, 2005]. Более того, подчас реальная практика мультикультурализма определяется сторонниками [Kundnani, 2002, p. 69] и противниками мультикультурализма как расистская. Первые видят в мультикультуралистском менеджменте некий вариант колониальной практики сталкивания и взаимного противопоставления подчиненных этнокультурных групп в контексте конкуренции за гранты и пр. Вторые привлекают внимание к практике позитивной дискриминации и политкорректности в отношении представителей новых диаспор. Парадоксальная реальность современной Европы, вынужденной идти на этнизацию социальных взаимодействий под лозунгом политкорректности для реализации доктрины равных возможностей и желания избежать упреков в дискриминации «новых меньшинств», провоцирует достаточно парадоксальный ответ со стороны европейской партийно-политической системы. Стоит заметить, что европейские правые радикалы все чаще используют в своих целях идеологемы либерально-демократического понятийного ряда («антирасизм», «свобода слова» и т.д.). Хороший пример такого рода гибкости – призывы отказаться от всякого ограничения свободы слова и «расистской» практики позитивной дискриминации, заявленные в программе Британской национальной партии на парламентских выборах 2005 г. [British National party, 2005].

То, что оппоненты используют в своей полемике дискурс расизма и антиколониализма, отнюдь не является случайностью.

Осознание того неопровержимого факта, что труд легальных иммигрантов стал одним из главных факторов созидания нынешней процветающей Европы, позволило активистам «новых диаспор» перейти – с разной степенью радикальности – к формулиро-

ванию культурных и социальных амбиций «новых меньшинств» как равноправных членов европейских национально-государственных политий. В этот контекст укладываются и претензии на уважение национальных и религиозных обычаев и символики в системе государственного образования, и пресловутый спор о хиджабах, и создание в иммигрантских районах европейских мегаполисов отрядов исламской милиции (типа милиции Европейской арабской лиги в Антверпене) для защиты исламских кварталов от якобы неправомерной активности правоохранительных служб. Таким образом, отныне не «новые меньшинства» должны адаптироваться к ценностному и институциональному наследию европейской цивилизации, но саму Европу должно адаптировать к ее новым законным обитателям. В перспективе – при сохранении нынешнего курса на построение в Европе мультикультурного общества – это будет означать «деевропеизацию Европы» [Кандель, 2006, с. 98]. Европейское общество рассматривается как объект, подлежащий в данном случае социальному переустройству в интересах конкретной, несправедливо маргинализованной этнокультурной общности. Психологическая мотивация этого процесса во многом близка мотивации антиколониальных национально-освободительных движений: маргинализованная этнокультурная группа возвращает себе (в случае «новых меньшинств» – вновь обретает) социальные и культурные права в пределах принадлежащей ей по праву территории. Тем самым мы вправе рассматривать данный феномен как некую разновидность антиколониального движения, но уже на территории самой метрополии, под которой в данном случае понимается весь европейский цивилизационный ареал.

Некоторые исследователи отмечают, что дополнительным фактором разочарования в мультикультурализме стал качественный рост террористической активности Третьего мира в евроатлантическом цивилизационном ареале [Lentin, p. 488; Kundnani, p. 67]. Это привело к «секьюритизации» мультикультурных отношений (Emerson) и, следовательно, усилило межобщинную напряженность.

Противоречия мультикультурализма. Мультикультурализм и либерализм

Одной из осей дискуссии сторонников и противников мультикультурализма является коллизия между групповыми и индивидуальными правами. Мультикультурализм с его апелляцией к правам социокультурных групп входит в очевидное противоречие с давно укоренившимся в европейском ценностном коде принципом примата прав личности.

Как соотносится право иммигрантской общины на воспроизводство привычного социокультурного паттерна с правом обитателя (или, что даже более актуально сегодня, – обитательницы) [Деминцева, 2008, с. 81, 89; Coene, Longman, 2008, p. 303; Dustin, 2006] этой общины самостоятельно выбирать модель социокультурного поведения?

Эта коллизия рекрутирует в лагерь противников мультикультурализма адептов традиционного западного либерализма, т.е. идеологии, более всех прочих обусловившей распространение мультикультуралистских практик в европейском социуме. Именно апелляцией к либеральным ценностям Старого Света был обусловлен всплеск антииммигрантских настроений последнего времени в таких традиционно толерантных странах, как Нидерланды, Швейцария, Швеция.

Сам родоначальник мультикультурализма У.Кимлика, отвечая на упреки оппонентов относительно коллизии между мультикультурализмом и правами личности, склонен видеть прямую обусловленность первого вторым: мультикультурализм рассматривается У. Кимликой как очередная фаза развития либерального дискурса, и в частности идеи равенства личностей и групп. В своей мотивации У. Кимлика исходит из того, что основной проблемой прав этнокультурных меньшинств Европы и Канады (в отличие от меньшинств США) была не столько необходимость политической эмансипации, т.е. уравнивания в политических правах, сколько необходимость эмансипации культурной, т.е. противодействия культурной ассимиляции. «Борьба за эти дифференцированные права меньшинств, – пишет У. Кимлика – может быть интерпретирована как конкретная адаптация принципов гражданского либерализма

и, следовательно, новая стадия революции в области прав человека» [Kymlicka. Liberal...].

Таким образом, культурная дифференциация превращается в рамках мультикультуралистского дискурса из антилиберальной практики в практику предельного либерализма. Уместно, однако, заметить, что аналогичные лозунги культурной дифференциации практически синхронно – в 1960–80-х годах – появляются и на другой оконечности политического спектра. В конце 1960-х годов на политическую арену выходят с лозунгом этноплюрализма «новые правые». Ключевым тезисом программы французского Национального фронта эпохи его подъема в 1980-х годах становится лозунг «права на различие», т.е. права коренных французов (в данном случае) сохранить свою культуру в условиях иммиграционного бума.

Отнюдь не случайно такой принципиальный сторонник эмансипации иммигрантских сообществ в Европе, как британский журналист и исследователь, заместитель главного редактора журнала «Race a. Class» Арун Кунднани, интерпретировал первоначальную модель европейского мультикультурализма как инструмент истеблишмента в сфере управления и сохранения расово разделенного общества [Kundnani, 2002, p. 67].

Чем в таком случае отличается программа мультикультуралистов-либералов от программы национал-консерваторов, представляющих титульные этнические группы? Отличие будет проявляться лишь на уровне базового – рамочного – дискурса (права человека vs. сохранность традиции); на уровне же конкретных лозунгов различие будет подчас не столь заметно.

Картина выглядит еще более противоречивой, если вспомнить об упоминавшейся выше мимикрии современного крайне правого дискурса, все чаще использующего лозунги классического либерализма.

Суммируя вышесказанное, можно заметить, что тезис У. Кимлики и его сторонников о генетической связи классического либерализма и мультикультурализма при его известной обоснованности вносит дополнительный хаос и в без того сложную систему идейных ориентиров современного европейского социума. С этой точки зрения мультикультурализм является как фактором,

так и дополнительным симптомом усугубляющегося кризиса современного европейского идентитарного проекта.

Оправдывая мультикультурализм, У. Кимлика показывает, как проблематика прав личности ограничивает, канализирует проявления мультикультурной активности [Kymlicka. Liberal...]. Однако это не делает менее весомым тезис критиков о принципиальном противоречии между классическими либеральными ценностями и мультикультуралистским концептом. Скорее тут мы видим невольное подтверждение этой мысли, ибо либеральный дискурс все-таки не столько дополняет, сколько цивилизует, модернизирует групповую идентичность меньшинств, избавляя ее от гнета «темных богов» – если использовать известную формулу такого исследователя в области национализма, как Эли Кедури. Как отмечал Б. Остендорф, «либерализм-II» сохраняет свой позитивный импульс только при наличии устойчивых традиций существования «либерализма-I»: «Политика, уважающая расовые, гендерные и национальные отличия, требует присутствия сетки безопасности – толерантности, вошедшей в универсальный словарь» [Ostendorf, 2002, p. 123].

Мультикультурализм и национальная идентичность

Отказываясь от политики мультикультурализма, многие видели альтернативу последней в политике интеграции и социального сплочения [Vasta, 2010, p. 504]. Собственно, сам мультикультурализм изначально понимался его адептами именно как инструмент социального сплочения, однако в роли инструмента гетерогенизации социума он выступил гораздо успешней. Член Комиссии по равенству и правам человека Тед Кантл (Великобритания) так сформулировал возникшую коллизию: «Мы должны уважать культурные различия, стимулируя при этом формирование чувства общности между разными общинами. Проблема, однако, в том, что мы не знаем, как это сделать» [Alibhai-Brown, Allen, Cantle, Mitchell, 2006, p. 92].

Солидарность во вновь возникающем европейском мультикультурном социуме действительно выковывается с большим трудом, причем как коренные, так и новые обитатели Европы зачастую не склонны ускорять этот процесс.

Так, в 2010 г. иммигранты, проживающие в итальянской коммуне Адро (Ломбардия), отказались оплачивать обед в школе и проезд на школьном автобусе своих детей, мотивируя это низким доходом своих семей. Соответствующие расходы легли на плечи коренных обитателей коммуны, которые обратились с коллективной жалобой в администрацию провинции. Последняя приняла решение об обязательности платы для всех и в итоге иммигрантов также заставили нести часть расходов на обучение собственных детей.

Реструктурирование европейского социума по социокультурному, т.е. фактически общинно-племенному признаку, само по себе, безусловно, является очевидным признаком его архаизации. Не случайно и ответ коренных обитателей Старого Света на этот процесс тоже приобретает архаичные формы. Собственно, рост популярности правопопулистских партий, апеллирующих к цивилизационной идентичности, распространение уличной агрессии стали той реакцией, которая усугубляет идущую в Европе на наших глазах архаизацию идентичностей.

Гетерогенизация национального социума по общинному признаку представляет собой лишь один из идентитарных трендов, угрожающих современной европейской политике. Не менее важно и «вертикальное» расщепление идентичности, в процессе которого идентичности вновь возникающих диаспор резко конфликтуют с традиционной политической идентичностью принимающей нации.

Таким образом, одна из основных проблем, с которой сталкивается общество, входящее в стадию мультикультурализации, – поиск адекватной новой идентичности.

Как показывает практика, идентичность представителей иммиграционных диаспор носит сложный характер, будучи расщепленной между новой и старой политической и социокультурной общностями. На политическом уровне это выражено в специфике внутри- и внешнеполитических предпочтений; на социокультурном – в ценностных и культурных приоритетах.

Это проявляется и в других формах. Проведенное немецким этносоциологом Б. Бекер исследование показало, что 82,5% турецких иммигрантов в ФРГ дают своим рожденным в Германии детям турецкие имена [Becker, 2009, p. 213]. Аналогичная практика харак-

терна для 46% проживающих в ФРГ выходцев из бывшей Югославии и 37% иммигрантов из стран Юго-Западной Европы (Италии, Испании и Португалии) [Becker, 2009, p. 210]. Социокультурная составляющая выбора имени проявляется в данном случае достаточно четко. Согласно данным опроса, проведенного по заказу «Die Welt» в 2010 г., почти 23% живущих в Германии турок либо не говорят, либо крайне плохо знают немецкий язык, а каждый второй практически не общается с немцами.

При этом другие группы иммигрантов – поляки, греки, итальянцы, русские немцы, евреи – ассимилируются в Германии гораздо успешнее. Только 17% итальянцев и 10% поляков не общаются с немцами. Исключение тут составляют иммигранты из Боснии и Албании, у них степень интеграции близка к турецким показателям [Турки плохо интегрируются].

Показателен факт, что государства происхождения иммигрантов отнюдь не заинтересованы в интеграции своих бывших или нынешних граждан в социум принимающей стороны. Сложные чувства вызвал в ФРГ демарш премьер-министра Турции Р. Эрдогана 28 февраля 2011 г. Выступая в Дюссельдорфе перед представителями турецкой диаспоры, он обратился к проживающим в ФРГ туркам с призывом учить в первую очередь турецкий язык, а уж потом, в целях интеграции, немецкий. Немецкое общество восприняло этот эпизод как еще одно подтверждение своему беспокойству относительно истинной лояльности новых бундесбюргеров.

Аналогичный подход характерен и для других стран. Так, в Мадзара дель Валлю (Сицилия) функционирует начальная школа, все ученики которой – туниисцы. Зарплату учителям оплачивает Министерство образования Туниса, остальные расходы – местная коммуна. Обучение в школе осуществляется по программе туниисского Министерства образования на арабском языке, единственный иностранный язык в школе – французский, что для туниисцев естественно. Интеграция их в итальянский социум, включая успешную конкуренцию на рынке труда, существенно затруднена; местные власти организуют для выпускников этой школы языковые курсы, принимая, таким образом, на себя расходы по адаптации иммигрантов.

Принципиально важно, что даже в том случае, когда новая, общая для всего населения идентичность более или менее успешно сформирована, это не спасает социум от мощного социокультурного шока. Политическая лояльность формируется существенно быстрее, нежели новая социокультурная идентичность. Новые члены социума, даже обретая новую политическую лояльность, остаются в рамках традиционной для себя социокультурной модели и повседневная манифестация этой модели перманентно провоцирует межгрупповое отчуждение, которое тем самым переносится внутрь политики. Таким образом, если традиционный современный проект национального государства предполагал относительную культурную гомогенность политики, а линии межгруппового отчуждения, в идеале, совпадали с межгосударственными границами, то мультикультурализм на практике приводит к возникновению политико-культурных границ внутри страны и, следовательно, к гибели современного национального государства.

Конструируемая взамен прежней общая политическая идентичность пока не обеспечивает устойчивой солидарности. Наиболее очевидно это проявляется в ситуации внешнеполитического вызова.

После террористических актов 2005 г. в Лондоне 24% британских мусульман заявили, что испытывают разную степень симпатии к организаторам терактов [Daily Telegraph, 2005].

Широкую известность получил инцидент, произошедший весной 2009 г. в Великобритании, когда командир британской авиабазы был вынужден приказать своим подчиненным выходить за пределы части только в гражданской одежде – в противном случае летчики подвергались опасности нападения со стороны проживающих в данном районе иммигрантов-мусульман. Последние мстили за участие Великобритании в афганской кампании НАТО.

В поисках выхода: переосмыслить или отвергнуть

Таким образом, к настоящему времени несовершенство мультикультурализма как основной стратегии этнополитического менеджмента постмодерного общества стало очевидно не только для его принципиальных противников, но и для его адептов (вспомним тезис А. Кунднани о мультикультурной практике поли-

тического представительства иммигрантов как новом издании колониалистской стратегии управления этническими общинами через воспитанную европейцами элиту [Kundnani, 2002, p. 69].

Одним из способов вернуть мультикультурализм его первоначальную привлекательность стали попытки переосмыслить данный концепт. Так, известная британская журналистка и эксперт в области иммиграции Я.Алибхай-Браун склонна интерпретировать мультикультурализм не как политику, а как долгосрочный процесс, формы которого обусловлены конкретными условиями его протекания [Alibhai-Brown, Allen, Cantle, Mitchell, 2006, p. 92].

Тезис, безусловно, сильный. Однако принятие его на вооружение мультикультуралистами грозит размытием сути того хронологически и политически очерченного явления, которое принято определять термином «мультикультурализм». Так, Алибхай-Браун склонна возводить генезис мультикультурализма к XVI–XVII вв., когда колонизируемые европейцами народы начинали свое многовековое сопротивление колониализму [Alibhai-Brown, Allen, Cantle, Mitchell, 2006, p. 92]. Это выглядит некоторой натяжкой. Кроме того, это толкование феномена коренным образом противоречит определению мультикультурализма как типа политики, к которому, в частности, склоняется и У. Кимлика.

Интерпретация мультикультурализма как состояния общества позволяет избежать дискуссии о правильности либо ошибочности этого феномена, но попутно постулирует как неизменяемую данность нынешние его параметры. Это делает данную позицию неприемлемой для большинства теоретиков и практиков этнополитического менеджмента, осознающих нынешнюю стадию развития европейского социума как кризисную. Образно говоря, если сторонники мультикультурализма описывают сегодняшние мультикультурные процессы как нормальный процесс роста, то его противники настаивают на срочном хирургическом вмешательстве.

Аналогичная проблема, как мы видели, возникает и в случае принятия на вооружение концепта «мягкого мультикультурализма» Ч. Кукатаса: под вывеской мультикультурализма в данном случае обнаруживается классический либерализм, ориентированный на защиту индивидуальных прав.

Переосмысление мультикультуралистского дискурса могло быть, однако, уделом лишь убежденных сторонников мультикуль-

турализма. Для его консолидировавшихся противников же главной задачей было вывести критику мультикультурализма из области табуированных дискурсов, куда она была помещена либеральным истеблишментом ввиду своей неpolitкорректности, в сферу идейного мейнстрима.

Начало этому процессу положил в августе 2010 г. Тило Саррацин со своей напумевшей книгой «Германия демонтирует себя». Член Правления Бундесбанка в крайне резкой и неpolitкорректной форме высказался по поводу влияния мусульманской иммигрантской диаспоры на динамику и перспективы развития немецкого социума. Публикация книги вызвала скандал; автор лишился своего поста и стал изгоем в своей партии – СДПГ. Однако реакция общества в целом на демарш Саррацина была скорее положительной: проведенный институтом общественного мнения Emnid для издания «Bild» опрос показал, что за партию Тило Саррацина в случае ее появления готовы голосовать 18,7% немцев, а среди сторонников СДПГ согласны с Саррацином 29% опрошенных [20% немцев готовы]. К концу осени 2010 г. книга Т. Саррацина выдержала 14 переизданий, притом что первый тираж составил 650 тыс. экз.

16 октября 2010 г. Саррацина поддержала канцлер А. Меркель. Выступая перед молодежной организацией Христианско-демократической партии (ХДС) в Потсдаме, она заявила, что иммигранты должны интегрироваться и принять немецкую культуру и ценности. «Мы исходили из идеи мультикультурализма и думали, что будем жить рядом и ценить друг друга, но такой подход провалился, совершенно провалился», – сказала Меркель далее [Майоров. Германия...].

Эту мысль довел до предельной ясности лидер Христианского социалистического союза (ХСС) Хорст Зеehoфер, заявивший: «Теперь мы выступаем за возврат к немецкой культуре и против мультикультуры. Мультикультурализм умер» [Майоров. Германия...].

Тогда же, в июле-августе 2010 г., внимание европейской общественности привлекло дело о высылке из Франции румынских цыган. Выше уже отмечалось, что в социокультурном плане цыгане зачастую воспринимаются западными европейцами как выходцы из развивающихся стран, и было бы вполне корректно, с нашей точки зрения, интерпретировать антицыганские действия фран-

цужских властей как симптом дезавуирования проводимой в стране политики толерантности.

Этот тезис мог бы показаться слишком натянутым, если бы вслед за высылкой румынских цыган не последовало формального признания властями Франции провала политики мультикультурализма. «Мы слишком беспокоились об идентичности приезжих и слишком мало об идентичности коренных жителей», – заявил президент Н.Саркози в интервью телеканалу TFI 10 февраля 2011 г. [Multiculturalism., 2011].

Аналогичные признания можно было услышать в последний год и из уст лидеров ряда европейских – и не только – стран, считавшихся образцами мультикультурализма и толерантности.

5 февраля 2011 г. премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон заявил о крахе мультикультурализма в его нынешней форме. Выступая на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, он прямо указал на невозможность далее мириться с наличием внутри европейского социума «сегрегированного общества, не признающего наших (т.е. европейских. – А.Т.-Б.) ценностей» [Дэвид Кэмерон].

Мультикультурализм в завтрашней Европе: возможные варианты динамики

Анализируя вероятные перспективы мультикультурализма, следует прежде всего определить базовые параметры нынешнего кризисного состояния этого проекта.

Таковых можно выделить по меньшей мере три.

1. Срыв процесса интеграции инокультурных иммигрантов в принимающие их социумы. Следует различать в данном случае политический и социокультурный контуры интеграции. И если параметры политической интеграции – в первую очередь, политическое и социальное участие – могут рассматриваться как вполне благополучные, то ход социокультурной интеграции внушает серьезные опасения.

2. Ограниченность имеющихся у государств-реципиентов институционально-правовых, политических и экономических ресурсов для решения указанной выше проблемы.

3. Скомпрометированность мультикультуралистского проекта в европейском истеблишменте.

Последний фактор сразу же накладывает существенные ограничения на возможность реализации мультикультуралистского проекта – даже в сильно модернизированном виде – при сохранении его отличительных особенностей (гарантия социокультурных прав меньшинств и т.д.) и самого бренда «мультикультурализм». Сегодня он может скорее отпугнуть, нежели привлечь истеблишмент, поэтому в обозримой перспективе мультикультурализм, если он хочет выжить как дискурс и политическая практика, будет обречен на мимикрию.

Сохранение мультикультурализма в замаскированном облике – таков один из выходов, по которому должно будет идти государство в поисках решения проблемы, сложившейся в результате иммиграционного бума. Данный выбор предполагает фактическое сохранение институционально-правовых гарантий социокультурным группам. Насколько этот подход реализуем в условиях доминирующего ныне алармизма в отношении мультикультурной практики, пока сказать сложно.

Как может выглядеть противоположный экстремум?

Очевидно, что за пределами возможного находятся решения, предполагающие тот или иной вариант быстрой гомогенизации европейского социокультурного пространства на базе титульных этнических групп. Отпадает массивный разворот иммиграционных потоков – как в силу экономической заинтересованности ЕС в постоянном притоке трудовых мигрантов, так и в силу политической невозможности реализации подобного сценария. Опыт высылки румынских цыган из Франции летом 2010 г. выявил лишь малую долю тех рисков, с которыми могут столкнуться европейские правительства при попытке решить проблему подобным образом.

Радикальному отказу от мультикультурализма мешает и остающийся в числе доминант евроатлантического ценностного кода либерализм. Принципиальное изменение отношения европейцев к иммигрантским диаспорам будет означать конец европейского проекта в том виде, как он формировался на протяжении последних двух столетий.

Между двумя упомянутыми экстремумами простирается широкое, на первый взгляд, поле более или менее реализуемых сценариев. Эксперты говорят о возможности реализации так называемого «интеркультурализма» [Emerson, 2009]. На практике, судя по всему, это означало бы фиксацию ныне реализующегося отхода либерального европейского истеблишмента от мультикультуралистских штудий при сохранении всех «классических» антидискриминационных практик на базе европейского права. В понятийной сетке мультикультурализма это соответствовало бы доктрине «мягкого мультикультурализма» Ч. Кукатаса. Некоторые культурные групповые права в этом случае могут имплицитно и не гарантироваться. Заслуживает внимания опыт Австрии, где с середины 2000 г. вновь прибывающие иммигранты, за исключением менеджеров-экспатов, обязываются в трехлетний срок овладеть немецким языком под угрозой высылки. С нового ракурса можно теперь взглянуть и на дискриминационную практику в отношении так называемых «русскоязычных», с начала 1990-х годов реализуемую в Латвии и Эстонии. Формальное соответствие этой практики нормам ЕС и Рамочной конвенции Совета Европы о правах национальных меньшинств показало европейскому истеблишменту пределы возможного ужесточения режима соблюдения культурных прав меньшинств.

При всей туманности дальнейших перспектив существования мультикультурализма на европейском континенте значение самого нынешнего кризиса этого концепта и связанной с ним практики достаточно очевидно. Каким бы ни был итог нынешних споров о мультикультурализме, он выйдет из этого кризиса, сильно видоизменившись. Модальность его трансформации будет важным симптомом того, куда движется европейское общество в целом.

Литература

- Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. – М., 2008. – 181 с.
20 процентов немцев готовы голосовать за борца с мигрантами Тило Сарацина. – Режим доступа: http://www.inright.ru/news/id_3798/
Дэвид Кэмерон: Мультикультурализм провалился. – Режим доступа: <http://www.newca.com/doc/n.aspx?242147&2&5>
Кандель П. Неопознанные вызовы европейской безопасности // Современная Европа. – М., 2006. – № 1. – С. 92–99.

Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. – Режим доступа: <http://inliberty.ru/library/study/327>

Лукиянов Ф. Табор уходит // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 433–434. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0433/gazeta015.php>

Майоров Е. Германия поменяет мультикультурализм на Четвертый рейх. – Режим доступа: http://www.inright.ru/articles/nation/20101121/id_445/

Майоров Е. Мультикультурализм в Германии умер. – Режим доступа: http://www.inright.ru/articles/politics/20101018/id_395

Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета РФ. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10312>

Турки плохо интегрируются в Германии. – Режим доступа: http://www.inright.ru/news/id_984/

Хантингтон С. Кто мы? – М., 2004. – 635 с.

Хижный Э. Роль иммиграции в формировании трудовых ресурсов стран Западной Европы // Актуальные проблемы Европы: Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – № 1: Западная Европа перед вызовом иммиграции. – С. 69–87.

Acquisition of citizenship by sex, age group and former citizenship / Eurostat 2011. – Mode of access: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

Alibhai-Brown Y. Beyond multiculturalism // Diversite Canadienne. – Ottawa, 2004. – Vol. 3, N 2. – P. 51–54.

Alibhai-Brown Y., Allen C., Cantle T., Mitchell D.S. Multiculturalism: A failed experiment? // Index on Censorship. – L., 2006. – N 35. – P. 91–99.

Baldwin-Edwards M., Schain M.A. The politics of immigration: Introduction // West-Europ. politics. – Oxford, 1994. – Vol. 17, N 2. – P. 1–16.

Becker B. Immigrants' emotional identification with the host society // Ethnicities. – Bristol, 2009. – Vol. 9, N 2. – P. 200–225.

British National party general election 2005 Manifesto. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/BNP_uk_manifesto.pdf

Coene G., Longman C. Gendering the diversification of diversity: The Belgian hijab (in) question // Ethnicities. – Bristol, 2008. – Vol. 8, N 3. – P. 302–321.

Daily Telegraph YouGov poll carried out between 15 and 22 July 2005. – Mode of access: http://www.yougov.com/archives/pdf/TEL050101030_1.pdf

Dustin M. Gender equality and cultural diversity: European comparisons a. lessons / Gender institute, London school of economics a. political science. – 2006. – Mode of access: http://www.lse.ac.uk/collections/genderInstitute/NuffieldReport_final.pdf

Emerson M. Interculturalism between the twin hazards of multiculturalism a. assimilation // CEPS European neighbourhood watch. – 2009. – N 69. – Mode of access: <http://www.ceps.eu/system/files/simplenews/2009/09/NWatch69.pdf>

Goodhart D. Too diverse? // Prospect. – L., 2004. – Febr. – P. 30–37. – Mode of access: <http://www.carnegiecouncil.org/media/goodhart.pdf>

Kundnani A. The death of multiculturalism // Race a. Class. – L., 2002. – P. 67–72.

Kymlicka W. Liberal multiculturalism a. human rights. – Mode of access: <http://www.cordobaintercultural.com/estilo/img/tabs/willKymlika.pdf>

Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. – Oxford: Oxford univ. press, 1995. – VII, 280 p.

Lentin A. Europe and the silence about race // European journ. of social theory. – Sussex, 2008. – Vol. 11, N 4. – P. 487–503.

Multiculturalism 'clearly' a failure: Sarkozy // National post. – 2011. – 10 feb. – Mode of access: <http://www.nationalpost.com/Multiculturalism+clearly+failure+Sarkozy/4261825/story.html>

Oblak Flander A. Immigration to EU Member States down by 6% and emigration up by 13% in 2008 // Eurostat. population and social conditions. Statistics in focus. – Luxembourg, 2011. – N 1 – P. 1–8.

Ostendorf B. The paradox of tolerance // The end of tolerance? – L., 2002. – P. 121–131.

Phillips T. After 7/7: Sleepwalking to segregation. Speech at Manchester town hall. – September 2005. – Mode of access: <http://www.humanities.manchester.ac.uk/socialchange/research/social-change/summer-workshops/documents/sleepwalking.pdf>

Vasileva K. Citizens of European countries account for the majority of the foreign population in EU-27 in 2008 // Eurostat. Population and social conditions. Statistics in focus. – Luxembourg, 2009. – N 94. – P. 1–8.

Vasta E. The controllability of difference: Social cohesion a. the new politics of solidarity // Ethnicities. – Bristol, 2010. – N 10(4). – P. 503–521.